

КОГДА КОЩЕЙ БЫЛ «КОЧЕГАРОМ»...

Там царь Кощей над золотом чахнет...
Александр ПУШКИН

Кто такой Кощей Бессмертный – одна из самых известных и колоритных фигур русского фольклора? Слышу, слышу нетерпеливый ответ всезнающего читателя: наимерзейшее существо этот самый Кощей – особенно в исполнении Георгия Милляра в фильме-сказке Александра Роу, а также на картинах Виктора Васнецова, Ивана Билибина или современных иллюстраторов. Ну, а если по существу? Имя Кощей принято связывать со словом «кость»: дескать, такой он худой, кожа да кости, живая мумия просто или живой скелет – отсюда и получается Кощей (Костяной мешок). Уже в этом простом объяснении кроется типичная ошибка, потому что в сказках о Кощее «костью» («коской») именуется, как ни странно, не сам владыка Царства Бессмертия, а его антагонист – положительный герой, побеждающий сказочного монстра (например, все тот же Иван-царевич). Скажем, в сказке, открывающей цикл о Кощее в собрании Афанасьева, повествуется: *«Вдруг Кош Бессмертный входит в дом и говорит: «Фу, фу! Русской коски [кости] слыхом не слышать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла? Кто у тебя был?..»*

Здесь «костью» («коской») прозывается не только Иван-царевич, но даже весь русский народ. Поэтому по поводу Кошеевых эпитетов и пришитых ярлыков можно очень даже поспорить. Конечно, злокозненность Кощей также неоспорима, как и его бессмертие. Но вот интересная (и пока что не объяснимая удовлетворительно) особенность, хотя на нее и обращали внимание многие исследователи фольклора. Несмотря на всю свою непривлекательность, Кощей Бессмертный – не насильник. Да, он большой охотник до русских красавиц и молодых женок, похищает их при каждом удобном случае, но никогда не творит над ними насилия. Напротив, всяческими уговорами и посулами (иногда до смешного доходит!) он пытается склонить их к добровольной любви и законному браку. Этим он чем-то даже напоминает одного из главных героев карело-финской «Калевалы» – мудрого старца и рунопевца Вяйнямёйнена: тот тоже на протяжении всего эпоса, проливая обильные слезы, пытается уговорить разных девушек выйти за него замуж. И не одна, надо заметить, так и не соглашается. (В результате Северный Орфей, непонятый собственным народом, вынужден даже уплыть в медном челне, правда, не навсегда: когда-нибудь он обещал вернуться, чтобы построить на земле Золотой век). Опять-таки, зло тоже – понятие относительное: зло для одних (или в одном отношении) может обернуться добром для других (или в другом отношении). Например, некоторые яды или наркотики (несомненное зло) становятся в малых дозах целительными средствами, помогающими в лечении больных (неоспоримое добро).

Владимир Даль (1801–1872) в своем воистину бессмертном для всех поколений «Толковом словаре живого великорусского языка» связывает имя Кощей не со словом «кость», а с понятием «касть» («кась»), что является, по его мнению, сокращением более понятного для современного читателя слова «пакость». Отсюда и весь смысловой «букетик», который автоматически накладывается на образ Кощей – «мерзость, гадость, скверна, паскуда, нечисть, поганьё» и т. п. (Даль приводит также узкие значения лексемы «касть» в различных диалектах: «мышь, крыса, гад» (тверск.); «грязь, распутица» (арханг.); «отбросы на бойнях» (южные области); «порча, вред, убыток» (псковск.). Казалось бы, одного этого перечня достаточно, чтобы Кощей навсегда был пригвозден к позорному столбу. Как бы не так! Ни в слове «кость», ни в слове «касть» на конце нет шипящего звука, придающего имени Кощей такой зловещий оттенок. Предполагается, что

в шипящую превратилось сочетание звуков в окончании слов – «-сть». Подобное вполне возможно, однако сразу же оказывается за бортом целый набор слов и понятий с морфемами «кош» и «кощ». Такая игра была бы не по правилам, да и чередование согласных звуков «ч», «ш» и «щ» статистически более вероятно, чем превращение в них окончания «-сть». А потому доведем этимологический анализ до естественного логического конца.

Первым словом, из лексического и смыслового гнезда которого когда-то вылетело имя Кощей, конечно, является «кош». Это и не удивительно: в только что процитированном выше фрагменте одного из трех вариантов сказки о Кошее из трехтомника Афанасьева, демонический владыка Царства Бессмертия именно так и поименован – Кош Бессмертный. (Сторонники выведения имени Кощей-Коша из «кости», судя по всему, не удосужились даже обратиться к первоисточникам). Сегодня многозначное и ёмкое понятие «кош» мало что говорит. Образованное от него слово «кошевой» живет разве что в исторических романах о казаках да в фамилии вожака комсомольской организации «Молодая гвардия», боровшейся против фашистских оккупантов в Донбассе. В любом словаре нетрудно отыскать значение данного понятия: «кош» – это «казачий лагерь, пастушеский стан, стоянка кочевников» (а еще «обоз», «войлочная палатка», «шалаш, «юрта» и др.). Смысл, в общем, понятен. Правда, этимологи сразу дают пояснение: заимствовано, дескать, русское (шире – славянское) слово «кош» из тюркских языков, где слова с тем же самым корнем и по смыслу означают примерно то же самое, тем более что семантика слова имеет ярко выраженную «кочевническую» направленность. Но вот тут-то можно было бы и поспорить.

Кочевнический аспект можно представить более общо – как *миграционный*, и тогда привязка к тюркским кочевым племенам окажется достаточно сомнительной. Индоевропейцы в пору их этнолингвистической дифференциации были активными мигрантами. Последствия глобального климатического катаклизма (в результате которого погибла их Полярная прародина – Арктида-Гиперборея) вынудили наших прапредков в течение многих веков мигрировать с Севера на Юг, что в целом только способствовало ускорению культурной и языковой обособленности. В более раннюю эпоху протоиндоевропейцы входили вместе прототюрками, протоугрофиннами и другими протоэтносами в состав единой и нерасчлененной культурно-исторической общности, с единым праязыком, общими мифологическими представлениями (среди которых мог быть и Кощей), религиозными верованиями и традиционными обычаями. Следы именно тех далеких-предалеких времен и сохранились в обособившихся языках. В этом смысле с равным основанием можно было бы утверждать, что не славянорусы заимствовали слово «кош» у тюрков, а наоборот. И оба утверждения, абсолютизирующие лишь один из возможных аспектов, были бы неправильными. Ибо не друг у друга заимствовали тюрки и славяне слово «кош», а сохранили в его «лице» память о былом языковом единстве.

Между тем, рассмотренным «кочевническим смыслом» значение лексемы кош в русском языке не ограничивается. Откроем 7-й том «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (М., 1980; за четверть века, начиная с 1975 года до настоящего времени вышло 25 томов) и подивимся богатству и неисчерпаемости родного языка, о котором мы по существу так мало знаем. Так вот слово «кошь» («кошь») еще сравнительно недано употреблялось по меньшей мере в 9 (!) значениях (а сегодня и одно-то не каждый назовет). Помимо упомянутого выше, это еще: 1. «корзина», «короб»; 2. «ларь», «ящик»; 3. «старое русло реки»; 4. «дружина, отдельный подвижный отряд, часть войска»; 5. «ставка князя, воеводы»; 6. «воинский обоз»; 7. «укрепленный лагерь»; 8. «зимовье промысловика-охотника»; 9. «жребий, судьба».

Последний смысл особенно любопытен в интересующем нас плане. С ним связано еще одно важное понятие – «кошун» («богохульник, насмешник») и глагол «кошунствовать», в дополнительных разъяснениях не нуждающиеся. Их сопряженность с лексемой «кош» наглядно видна из следующего пассажа богословского трактата XV–XVI

веков «Слово и поучение против язычников»: «А се душевнии греси [грехи. *В.Д.*] <...> веровати в метания и въ лживая писания въ елиньския кощуны [в данном контексте слово имеет значение «еретические писания». – *В.Д.*] и баснотворья, в стрячу и в кошъ и в сновидения».

Архаичная общеязыковая корневая основа «кош» породила множество других, не менее архаичных, слов и понятий: «кошель»; «кошма» («войлок из овечьей шерсти»); «кошмар» (слово, хотя и французское, но содержащее в себе две древнейшие корневые основы «кош» + «мар»); «кошуля» (разновидность славянской одежды); «кошута» («самка оленя») и др. Но и, конечно же, «кошка» – как же без нее! Принято считать, что слово «кошка» (с учетом чередования согласных «т» и «ш») образовалось от слова «кот», ибо, согласно филологическим канонам, мужской род предшествует женскому. Но в реальной истории всё было отнюдь не так: матриархат, как известно, предшествовал патриархату. При этом речь идет как раз о той эпохе, когда в процессе распада былой этнолингвистической общности активно формировались самостоятельные языки и закладывался их лингвистический фундамент. Поэтому многие слова женского рода вполне естественно могли быть первичными по отношению к мужскому. Уж слово «кошка», вне всякого сомнения, явилось первичным по отношению к «коту», ибо одомашнивание этого животного также пришлось на эпоху матриархата.

Между прочим, можно не слишком изощряться в фонетических изысканиях на предмет этимологии имени Кощей, потому что в древнерусском языке было самобытное слово «кощей», означавшее не бессмертного старца с острова Буян, где хранилось яйцо с его смертью на конце иглы, а совсем юного «мальчика», «отрока». В летописных рассказах об убийстве Андрея Боголюбского постоянно присутствует один из таких отроков – «один кощей мал» (Новгородская Первая летопись), «кощей един мал детеск» (Никоновская летопись). Но это – лишь одно из значений многозначного русского слова. Гораздо чаще слово «кощей» употребляется в старописьменных русских текстах в смысле «пленник», например, в «Слове о полку Игореве»: «Ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево» («седло кощиево» означает здесь «седло пленника»). Половецкий хан Кончак также назван в «Слове» «поганым кощеєм» (естественно, уже не значении «пленник», ибо пленник здесь – князь Игорь). В другом летописном контексте «кощей» может означать уже другое – скажем, слугу, ведающего лошадьми во время похода княжьей дружины и держащего во время битвы запасного коня для князя. В одной из берестяных грамот, найденных при раскопках в Новгороде, слово Кощей употребляется в форме имени собственного. Так что кощей в Древней Руси во всю действовали не только в сказках и мифах. Но и, как говорится, смысловой разброс налицо. Только вот заимствования из тюркских языков здесь ни при чем – по причине, о которой только что говорилось выше. Кроме того, необходимо иметь в виду, что этимологически (если, конечно, говорить о глубинных пластах истории развития языка) корневые основы «кош» и «кощ» в смысловом отношении тождественны корням «каш» и «кащ». (Отсюда до сих пор нет устоявшегося написания имени Кощей: в одних текстах – фольклорных или энциклопедических – оно пишется через «о», в других – через «а»).

Однако воистину неисчерпаемые кладези архаичной информации открываются при обращении к санскриту и ведийской (в основе своей древнейшей общеарийской мифологии). *Санскрит* – литературно обработанный древнеиндийский язык, в котором законсервировано множество архаичных лексем еще более раннего, общеиндоевропейского, протоязыка, в том числе и соответствующих русским корневым основам «кош» и «кощ» (а также «каш» и «кащ»). Следует лишь принять во внимание, что в санскритская фонетика не знает шипящего звука «щ» и вместо него используется смягченное «шь». Для обозначения санскритских шипящих с помощью латинской графики используются особые буквенные знаки с точкой (или запятой) внизу – *ṣ* (близкая к русским звукам «ш» или «шь»), *ṣ* (близкая к русскому «щ»). Их воспроизведение с помощью обычных компьютерных шрифтов и авторам, и издателям, и полиграфистам не

всегда удается из-за чисто технических трудностей. Тем более, сказанное относится к собственно санскритской графике – письму *девангари*: этот древнейший алфавит не знает подавляющее большинство русскоязычных читателей. Поэтому при воспроизведении санскритских слов по неволе приходится обращаться к кириллице.

Беды в том особой нет, ибо, по единодушному заключению маститых индологов, нет более близкого к санскриту языка, чем русский. Лучшим подтверждением тому как раз и может служить интересующая нас морфема «кош(ь)». Скажем, санскритское слово *koṣa (koṣa)* [читается «кошья» или «коща – далее русская транскрипция санскритских слов даваться не будет] означает множество понятий, среди которых: «сундук», «кладовая», «сркровищница». Так и хочется добавить: «Там царь Кощей над золотом чахнет...» Однако царь Кощей обнаруживает свое присутствие в совершенно ином культурно-историческом аспекте, но с тем же общеиндоевропейским корнем *kaṣ*. Речь идет об одном из божественных первотворцов ведийского и индуистского пантеона *Кашьяпе* (от санскр. *kaṣuara* (в некоторых изданиях значит *kaṣuara* – что означает «черепашка» и «чернозубый»). Такое прозвище получил прославленный герой ведийской мифологии. Чтобы понять почему, необходимо обратиться к первоисточникам.

Индуистский (и предшествовавший ему ведийский) пантеон чрезвычайно разветвлен, а для неподготовленного читателя (таких, к сожалению, среди неиндийцев большинство) – запутан и малопонятен. Индийские божества постоянно принимают различные материальные или духовные формы (*аватары*), которые, в свою очередь, в разные эпохи и в разных религиозных системах понимались по-разному. Именно так произошло с Кашьяпой: в представлении современных индийцев (независимо от конкретной религиозной принадлежности) он – божественный мудрец, один из семи великих *риши*, праотцев современного человечества. Но в ведийской традиции – это одна из центральных фигур миротворения и родоначальник всего сонма божественных, полубожественных, демонических и небожественных существ, включая, в конечном итоге, и человека. В данной связи нас пока что будет интересовать только один-единственный вопрос: почему у русского Кощей и ведийского Кашьяпы один и тот же арийский корень «кош(щ)–каш» и во многом совпадающие мифологические функции? Как нетрудно догадаться, это совсем неспроста и далеко неслучайно. Посмотрим же вместе: так ли это?

Кашьяпа считается сыном бога-первотворца Брахмы, вместе с Вишну и Шивой, составляющий божественную триаду (*тримурти*) индуистского пантеона. Но это сегодня. В стародавнем же прошлом, когда прапредки современных индийцев жили на Севере и составляли этнолингвистическое единство с прапредками других индоевропейских народов, все выглядело несколько иначе. В «Ригведе» и других ведических текстах главным и единственным первотворцом всего сущего и божеством, охватывающим собой весь мир, считается *Праджапати*, названный в одном из наиболее известных гимнов «золотым зордышем». Впоследствии Праджапати был отождествлен с Брахмой и становится одним из эпитетов последнего. Согласно каноническим ведическим текстам, Праджапати сотворил Вселенную, всю живую и неживую природу, превратившись в Космическую Черепашку. Вот эта Черепашка, как *аватара* Первобога, и есть *Кашьяпа* (дословно в переводе с санскрита, как уже указывалось, и означающий «черепашку»).

В земном воплощении у Кашьяпы было не менее восьми жен (другие источники называют еще большую цифру – от десяти до тринадцати). (Еще раз вспомним, что русский Кощей тоже постоянно охотится за все новыми и новыми женами, самыми изощренными способами похищая русских красавиц). Самые знаменитые и плодовитые среди жен Кашьяпы были родные сестры Дити (означающая «ограниченность») и Адити (что значит «неограниченность», «бесконечность»). Дити (корень тот же что и русского «дитя») наплодила на страх всему миру демонов-гигантов двух видов – *асуров* и *даитьев*. Адити прославилась тем, что произвела на свет тридцать три бога трех разновидностей (у ведийских богов своя сакральная систематика!): двенадцать *адитьев* (среди них Индра,

Варуна, Вишну и два солнцезбога – Сурья и Митра); восемь *vasu* (от этого арийского корня происходят русские имена Вася, Васса и сказочный образ Василисы Премудрой*); одиннадцать *rudr* (главный из которых сам неистовый первобог Рудра). Третья жена Кашьяпы – Дану – родила еще одну группу гигантских существ *данавов*, из которых наиболее известен дракон Вритра, главный враг громовержца Индры. (Дану и данавы еще знамениты тем, что корень «дан», положенный в основу их имен восходит к доиндоевропейскому корню *дан* (=дон, =дун), означающему "воду" и дал название многим рекам, лежавших на древнеарийских миграционных путях: например, Днепр (Данапр), Дон, Донец, Д(а)нестр, Дунай и др.). От остальных жен Кашьяпы в мире появилось целое сонмище сверхъестественных существ – полубожественные *гандхарвы*, небесные девы *ансары*, змееногие *наги*, ужасающие демоны *ракишасы**, а также обыкновенные земные животные. Наконец, у сына Кашьяпы и Адити *Вивасвата* (дословно «Сияющий», что почти один к одному соответствует древнеславянскому Световиту – только корневые основы в другой последовательности) родился продитель всего человеческого рода – *Ману*.

Это только начало, самые азы, так сказать, индийской мифологии, которые могут показаться некоторым читателям утомительными и излишними. Но другого пути приоткрыть завесу над тайнами отечественной предыстории у нас нет: собственные древние письменные памятники давным-давно утрачены (если не считать непризнанной официальной наукой «Велесовой книги»). Санскрит же – надежнейший источник не только для палеолингвистических изысканий, но и для научной реконструкции смысла древнейших понятий и мифологем. Поэтому, опуская многие интереснейшие детали, перехожу к проблеме, обозначенной в заголовке данной статьи.

Санскритское слово *koçagara* означает «хранитель казны» (опять: «Царь Кощей над золотом чахнет»). Читается это слово, как «кошягара» или даже «кочагара». Короче, и без микроскопа видно, что **это наш русский «кочегар»!** На первый взгляд русское слово кажется заимствованным или недавнего происхождения: во всяком случае до последнего времени оно тесно ассоциировалось с парходами, паровозами, котлами и котельными.

* Многие современные русские имена, имеющие христианское (греко–латино–еврейское) происхождение, в действительности имеют более глубокие корни, уходящие в незапамятную арийскую древность. Нелепо было бы утверждать, что до введения христианства, которое произошло чуть больше тысячи лет тому назад, на Руси не было никаких самобытных имен. Были! И не только «элитарные» Святослав, Владимир, Всеволод и т. п., но и простонародные – такие как Ваня, Коля, Юра, Оля, Ира, Варя и др. Позже христианская церковь использовала исконно русские имена в собственных интересах точно так же, как приспособилась она ко многим языческим праздникам: даже Рождество было совмещено с древнейшим праздником зимнего солнцестояния и языческими традициями ряженья, карнавальных шествий и колядования в честь зимнего солнца Колы (Коляды), откуда и архаичное имя Коля. Имена Василиса и однокоренное с ним Василий были внедрены на Руси именно по такой схеме. В переводе с греческого они означают «царь» и «царица». Однако наверняка были совмещены с испокон веков бытовавшими в славяно-русской среде женскими именами – Вася, Васса, Ася и др. То же и с дендрототемным мужским именем Василек (по названию цветка) и, скорее всего, от него, а не от «царя»-Василия образованным древнерусским именем Василько и т.д. Вот почему истоки происхождения имени Вася (и в мужском и в женском варианте), следует искать не в среде византийских императоров и даже не среди мелкотравчатых эллинских «царей», осаждавших Троию, а в ведийской мифологии и у священных костров древних ариев. В санскрите имеется целое лексическое гнездо с корнем *vas*, имеющим многозначный смысл: 1. «добрый», «благосклонный»; 2. «добро», «богатство», «клад»; 3. восемь полубогов из «Ригведы», подвластных Индре, которые так и переводятся на русский несклоняемым теонимом «васу». От данной корневой основы образованы и другие санскритские слова: *vasana* – «одежда», «покрывало» а также *vasanta* – «весна», из которого образовалось и соответствующее русское понятие, означающее время года – «весна». В русле перечисленных древнеарийских смыслов и родилось многие тысячи лет тому назад женское имя Вася (Васса), сопряженное впоследствии с церковными святыми.

* Для большинства русскоязычных читателей сей сакральный список мало что говорит. Для индийцев же названные мифологические персонажи неотъемлемые атрибуты из повседневной культуры. Впрочем, для тех же индийцев (а также любых других народов) ничего не говорят такие образы русской мифологии, как леший, кикимора, домовый, банник, овинок, луговик, шуликун и прчая нечисть.

Хотя, согласно, Словарю Даля в Костромской губернии кочегарами прозывали кучеров и извозчиков. И вообще, само это слово наидревнейшее самобытное, и не один этимологический словарь не берется объяснить его происхождение. А оно вот, оказывается, – аж санскритское!

«Хранитель казны»... Но ведь казна бывает всякая. В старину княжеская казна была наполнена не столько звонкой монетой, сколько мехами, оружием да еще бочонками с медом. А если заглянуть в самые глубины арийской истории. Что хранилось в казне в те баснословно далекие времена? Да все что угодно! Уж божественная амрита, амброзия, нектар, живая и мертвая вода это точно. И звался хранитель такой казны *кочегар* (или в санскритской вокализации – *кошягара*. Применительно к славяно-русской действительности таким «кочегаром» как раз и выступал Кощей Бессмертный.

Индоарийский Кашьяпа – бессмертное божество, земное воплощение первотворца Праджапати (Брахмы). Главное сущностное качество русского Кощея также, как известно, бессмертие. Не подлежит сомнению, что у обоих мифологических персонажей один и тот же арийский источник. Чтобы понять, почему Кощей оказался хранителем тайны бессмертия, достаточно обратиться к архаичному индийскому мифу о пахтании океана и получении дающего бессмертие напитка *амриты*. Для этого ведийские боги объединились со своими заклятыми врагами *асурами* и *дайтьями* (братьями по отцу, но от другой матери). Союз, как и следовало ожидать, оказался вынужденным и временным: не успел из Молочного океана появиться нектар бессмертия, как боги завладели им и попытались скрыться от своих братьев-помощников. Началось преследование, завершившееся грандиозной битвой на берегу Океана.

Что случилось с *амритой* дальше тоже прекрасно известно. После того, как ведийские боги обрели бессмертие и победили своих сводных братьев, они отдали напиток бессмертия на сохранение одному из божественных мудрецов. В индуистских мифах чаще всего хранителем божественного напитка бессмертия чаще всего называется *Нара**. Но это по позднейшим представлениям. Таким Хранителем бессмертия вполне мог быть и другой божественный мудрец, тот, который нас и интересует, – Кашьяпа, другими словами, русский Кощей. Вот и найден вполне приемлемый и достаточно обоснованный ответ относительно происхождения этого зловещего для русской культуры образа. Зловещность и злокозненность – это обычный результат позднейшей дискредитации и демонизации, что происходит обычно в условиях распада былой этнолингвистической общности и возникающей на этой основе непримиримой идеологической вражды. Кровопролитные религиозные войны, происходившие в любые эпохи, – лучшее тому свидетельство. Варфоломеевские ночи случались во все времена, причем достаточно часто.

Но вырезать непримиримых противников, хотя и приятно, но вовсе не обязательно и даже невыгодно: жертва мученической смерти зачастую на все времена становится героем. То ли дело дискредитация или демонизация образа врага, даже если он побежден.

* Один из семи древнеиндийских мудрецов – *Нара* – может выступать и как собирательный образ, олицетворяя одну из ипостасей Брахмы (Праджапати), последний в обиходе нередко зовётся *Нараяна*. *Нара* в ведийской и последующих индийских мифологиях – индуистской (шиваистской и вишнуистской), джайнистской, буддистской, сикхской – означает водную стихию вообще. В «Вишну-пуране» читаем: «Воды именуются «нара», потому что воды – потомки Нары; Брахма по традиции зовется Нараяной, потому что (в водах – «нара») в древности произошло его первое побуждение к творению – *аяна*. Когда мир был единым Океаном, Владыка познал, что в водах находится Земля. Поразмыслив, Праджапати захотел ее поднять. <...>». Аналогичную смысловую нагрузку понятие «нара» имело и во времена нерасчлененной индоевропейской и доиндоевропейской этнолингвистической общности, а также во времена ее распада и миграции арийских и неарийских времен с Севера на Юг. Вот почему остались повсюду гидронимические следы с корневой основой «нар»: скажем, реки Нара в Подмосковье и Нарва в Прибалтике. Когда-то здесь прошли и задержались арийские прапредки современных народов, давно уже исчезнувшие с лица земли. Ничего однако не исчезает бесследно: река Нара все также несет свои быстрые воды близ подмосковного города Наро-Фоминска, явственно напоминая ничего не подозревающим обитателям этих краев, туристам и грибникам о древнеарийском божестве Нараяне (Наре) и его водной ипостаси.

Так произошло с греческими титанами. То же самое случилось и индоиранскими божественными гигантами *асурами* (или *ахурами*). Когда-то индоевропейские верования были общими. Пантеон богов и их окружения тоже был общим. Но в процессе этнолингвистической дифференциации и социокультурного обособления возник идеологический раздор, непременно завершившийся низвержением кумиров противника и превращением позитива в негатив. Естественно, боги моих врагов становились такими же (если не большими) врагами. Это закреплялось в языке, точнее – старые понятия наполнялись новым и, увы, негативным смыслом. В результате уже в древнем мировосприятии обособившихся этносов прежние единые теонимы стали восприниматься с противоположным знаком. Так, *асуры* – демонизированные противники ведийских богов – оставались в представлении иранцев высшими и светлыми божествами – *ахурами* (и величайший среди величайших – верховный небесный владыка и первотворец *Ахурамазда*).

Точно так же древнеиндийские богини *деви* (откуда и славянские *девы*) в представления древних иранцев и ираноязычных этносов превратились в чудовищных и кровожадных *дэвов*. Правда, в последнем случае наслоиась еще и борьба матриархата и патриархата. Божественные *деви* ведут свое происхождение из тех невообразимо далеких глубин человеческой истории, когда главным объектом поклонения считалась Великая Мать, а идеология была насквозь матриархальной. После победы патриархата произошла полная переоценка ценностей и ревизия прежнего пантеона. В результате, по крайней мере, в рамках древнеиранского общества, прежние женские кумиры оказались демонизированными. По той же схеме – но уже в границах другой, славяно-русской культуры – происходила демонизация прежних субъектов поклонения и почитания, таких, как Кощей – хранитель тайны бессмертия, схороненной на острове Буяне, и Бабы Яги, в прошлом славяно-русского варианта Великой Богини, но впоследствии превратившейся в злокозненную демоницу и людоедку.

Так кто же он такой, в конце концов – Кощей Бессмертный, при имени которого от испуга вздрагивают дети, а молодые девушки просыпаются в холодном поту? Злобный демонический монстр или оболганный завистливыми конкурентами хранитель древних тайн (включая тайну живой и мертвой воды, делающей любое существо молодым и бессмертным)? Когда речь заходит о наидревнейших мифологических персонажах, к тому же наидревнейшего происхождения, – обычные мерки и критерии, как правило, не срабатывают. Ясно одно, в случае Кощея и других подобных ему культурных героев мы имеем дело не с чистым вымыслом, а с отражением – пусть даже в сильно искаженной форме – реальной истории и предыстории, фактическая сторона которой давным-давно утрачена.

По материалам моей книги «Русь Гиперборейская» (М., 2003).